

**САСПЕНС
ЧИТАЮТ ВСЕ**

Читайте в серии:

СТЕНЫ ВОКРУГ НАС
17 ПОТЕРЯННЫХ
ВООБРАЖАЕМЫЕ ДЕВУШКИ
МЕСТО ВДАЛИ ОТ ВОЛКОВ

НОВА РЕН СУМА

МЕСТО ВДАЛИ ОТ
ВОЛКОВ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С89

Nova Ren Suma
A ROOM AWAY FROM THE WOLVES

Copyright © 2018 by Nova Ren Suma

Перевод с английского *Ольги Медведь, Олеси Норицыной*

Художественное оформление серии *Сергея Коваленко*

Сума, Нова Рен.
С89 Место вдали от волков / Нова Рен Сума ; [пер. с англ. О. Медведь, О. Норицыной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-100845-1

Пансион для девушек «Кэтрин Хаус» — место с трагической историей, мрачными тайнами и строгими правилами. Но семнадцатилетняя Сабина знает из рассказов матери, что здесь она будет в безопасности. Сбежав из дома от отчима и сводных сестер, которые превращали ее жизнь в настоящий кошмар, девушка отправляется в «Кэтрин Хаус», чтобы начать все сначала.

Сабине почти удается забыть прежнюю жизнь, но вскоре она становится свидетельницей странных и мистических событий. Девушка понимает, что находиться в пансионе опасно, но по какой-то необъяснимой причине обитатели не могут покинуть это место. Что же творится здесь на самом деле? Сабине придется раскрыть эту тайну, чтобы вырваться из плена надвигающегося ужаса.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100845-1

© Медведь О., перевод на русский язык, 2019
© Норицына О., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Дикому городу моей мамы –
месту, которое украло мое сердце, сломало меня
и заставило меня сломать,
и каким-то образом исполнило мои мечты*

&

*Э.,
он всегда со мной*

Только в комнате ты можешь спрятаться
от волков.
— Джин Рис, «Доброе утро, полночь»

Часть I

В темноте

Девушка, жившая в комнате под моей, исчезла в темноте без предупреждения и страха. Перед тем она как будто стояла спиной ко мне, но я чувствовала, что ее глаза открыты; силуэт города ощетинился во внимании, пятью этажами ниже ждала улица. Именно так я рисовала в своем воображении Кэтрин де Барра, стоявшую на краю почти сотню лет назад, когда смог не давал дышать, а огни светили не так ярко, когда только одна девушка спала в этих стенах из красного кирпича.

Той ночью на крыше я составляла компанию своей подруге — если ее можно было назвать подругой — и стояла к ней так близко, что могла увести ее оттуда, или сказать ей что-нибудь на ухо, или могла толкнуть. Я видела, как далеко находятся ворота, как далеко нужно будет прыгнуть, чтобы их достичь. Я была здесь ради того, чтобы засвидетельствовать ее прыжок.

Было темно, и я обвинила во всем темноту. В те несколько секунд, когда она оказалась в воздухе, даже не оттолкнувшись, я практически превратилась в нее. Отрастила ее длинные ноги и ресницы, лишилась неаккуратности прически, позволила ошибкам высыпаться из чемодана и беззаботно рассеяться на ветру. Я падала и падала быстро. В ушах раздавался гул — словно проникающая сквозь половицы песня. Во всех окнах до единого на пути вниз горел свет, незнакомые мне люди проживали за ними свою жизнь, словно их никто не мог видеть. Горизонт сверкал звездами, как дома, и я не хотела падать на землю. Здесь я была кем-то. Я была кем-то.

Возможно, именно это она видела, чувствовала, в это превратил ее дом. Она шагнула в пустоту. И много раз могла проскочить в ворота. Я клянусь, она была там. Клянусь, она принадлежала воздуху, ночи, фонари заключали ее в кольцо, а потом клочок темноты оказался пустым.

Я смотрела на то место, где она только что была, словно плыла прямо над зданиями, за пределами шпилей и строительных лесов, мимо садов на крышах и водонапорных башен, вниз по Нижнему Манхэттену к южной оконечности острова, где зияла чернотой бухта. Передо мной раскинулся весь город, мрачный, странный и идеальный. В воздухе было пусто, ее там не было. Ни одна девушка не падала и не летала. Все окна были темными. И стало так странно тихо, словно в лесу, куда днями не ступала нога человека. Вспомнив, где нахожусь, я подобралась к краю, ухватилась за кирпичи, чтобы не потерять равновесие, и сделала то, чего она хотела.

Я выглянула в пустующую ночь — необъятное пространство, серое и многообещающее — и посмотрела вниз.

Твердая земля

Моне Мэтис, моя соседка снизу и первый человек на этом клочке переполненной людьми земли, знавший, кто я такая, а не кем я пыталась казаться, не совсем исчезла в воздухе. Ночь, в которую я ее потеряла, была ясной и серой, жаркой и с неприятным запахом. Я не поняла, где началась путаница и одержали верх вымыслы, но заметила ее, как только посмотрела вниз. Она добралась до тротуара. Время перевалило за полночь, и она лежала на жесткой земле по ту сторону ворот, где даже я не надеялась до нее добраться.

Люди говорили, что она просто упала с ночного неба. Какой-то свидетель с улицы сообщил, что она взялась из ниоткуда, свалилась, как обломок пролетавшего мимо самолета. Другие сказали, что видели на крыше фигуру, опасно балансирующую на краю, и предположили, что она сама отправила себя в полет. Кое-кто утверждал, будто она нес-

лась с неба, завывая и борясь с воздухом. Нашлись и те, кто сказал, что она упала как камень, без сознания, и не издала ни звука, кроме хруста от столкновения тела с тротуаром.

Они ничего не знали.

Это правда, что Моне упала на землю прямо за воротами на входе в «Кэтрин Хаус», где она жила на четвертом этаже в комнате, выходящей окном на восток. Зеваки не знали, что это пансион для молодых девушек, открытый после трагедии, произошедшей в 1919 году. Единственный пансион такого рода, оставшийся в Манхэттене. В железной паутине ворот можно рассмотреть слова «Кэтрин Хаус», но тезка этого дома уже давно умерла. Ворота на ночь, с наступлением комендантского часа, запирались. Ни одна девушка не могла войти или выйти, даже если колотила по решеткам. Переезжая сюда, мы все соглашались с этим правилом.

Появившейся с неба девушке — они не знали ее имени, ее манеры наслаждаться секретами, при этом не раскрывая своих, — едва удалось избежать одного из остроконечных столбов, устремляющихся в темноту. Тротуар под ее телом пошел трещинами, тонкие линии расползлись во все стороны, словно от удара молнии. Она лежала на животе, руки вытянуты, щека прижата к земле. От звука падения ее тела у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. А потом настала тишина, такая тишина, что в ней был слышен гул уличных фонарей... Мчащийся вдоль ближайшей авеню автобус М20, направляющийся в центр через Виллидж до Саут-Ферри. Блеющая вдали автомобильная сигнализация.

Хоть время было позднее, вокруг девушки собралась небольшая толпа бодрствующих, желающих помочь и поглазеть на произошедшее. Несколько жильцов квартала в поиске источника шума спустились с крылец, сжимая в кулаках ключи от дома. Из квартиры на цокольном этаже поднялась старушка с извивающимся котом на руках. Она угрожала подать еще одну жалобу на 311. Затих гогот туристов, блуждающих по Вэйверли Плэйс. Гуляющий с крошечной собакой на украшенном шипами кожаном поводке мужчина бросил

взгляд на тело, затем оглянулся и решил обойти квартал. Для нас они все были незнакомцами. Вероятно, дом притягивал трагедии, словно магнит, словно конфликт посреди спокойствия. Но никто не знал, что происходило внутри.

Для них лежащая на тротуаре Моне была из другого мира, пойманная и прижатая к земле, как крылатый жук к странице. Ее освещали уличные фонари. Короткие волосы на затылке торчали вверх. Она носила белую одежду, но ночь превратила ее в серую — такими серыми становятся призраки, когда рассеиваются и почти растворяются в темноте. Она лежала неподвижно, одна нога босая, рот открыт. И не ясно — дышала ли.

Сделанные на месте фотографии отфильтрованы, подписаны, выложены в Сеть. Люди бродили рядом в ожидании «Скорой». На углу со скрипом остановилось желтое такси. Из него вышел водитель, включив табличку «Свободно» — вдруг удастся поймать пассажира. Кто-то пихнул тело. Кто-то сказал: «Не трогайте ее, дождитесь «Скорой». Кто-то особо впечатлительный наклонился и зарыдал.

По улице закружились версии возможных мотивов. Одни говорили, она спрыгнула: выглядела, как спрыгнувшая. Другие предположили аварию по вине пьяного водителя или насильственную смерть. Слышались предположения. Догадки. Злые непонятные намеки.

Они вели себя так, словно знали ее, видели все своими глазами. Но это не так. Там была я.

Я посмотрела через край, но меня никто не заметил: меня скрывала темнота и выступающая водосточная труба.

Мой взгляд с высоты птичьего полета выцепил ее на тротуаре, обведенную мелом. Она лежала спиной ко мне, словно навсегда вышла из комнаты. И не двигалась.

Я, скрываясь за водосточной трубой в самой глубокой тени, задержала дыхание. Что она наделала? В небе повис густой темный туман. Безжалостно дул ветер. Зачем она это сделала? Она что-то забрала у меня, выхватила прямо из моих рук, и теперь я не верну это. Или ее.

То многое, что я не поняла, сформировало вокруг меня занавес, кишаший пылевыми клещами и источающий почти вековой объем секретов. Занавес затянулся, превратившись в подобие неудобного кокона, и я могла скрыться в нем от всего.

Я поднялась. Собиралась спуститься и вернуться в арендуемую комнату, которая почти целый месяц была моей. Собиралась оставить все как есть, оплакать Моне в одиночестве и погрузиться, что все пошло именно так, но остановилась. Почувствовала рывок, будто она удерживала на веревочке часть меня. Я вернулась и, ощутив тягу посмотреть на все в последний раз, взглянула вниз.

А там...

На тротуаре в тени высоких кованых ворот с буквами «Кэтрин»...

Дергалась ее нога.

Сначала движение было едва заметным, и я легко могла его не заметить. Но потом набрало силу, поднялось по левой ноге и распространилось до кончиков пальцев правой руки, которые распластались и вцепились в землю. Она перевернулась, на мгновение свернулась калачиком у ворот и села. Затем дернулась вперед и, поднявшись, забалансировала на обеих ногах. Чуть пошаталась. Поднесла руки к голове. Насколько я могла судить со своего места наблюдения, ее кости были целы.

Она это сделала. Действительно сделала.

Люди на улице заахали, стали дергаться, бросились назад, словно это чудо как-то могло на них повлиять. Они вели себя так обыденно. Казалось, никто не знал, что делать. Я догадалась, о чем они все могли думать: *она вообще падала с неба?* Возможно, им показалось или их обдурили. И меня, наверное, вместе с ними.

Моне ничего не сказала, не объяснила. Стояла в нерешительности по ту сторону ворот в одной туфле и в призрачно-сером.

Я замерла. Выступ был узким, без поручня, сдерживающего ночь, — за выступом лишь пустота, от которой трясут-

ся ноги. От потока воздуха по моим рукам побежали мурашки, точно налетела летняя гроза, но дело было не в погоде.

Видимо, она почувствовала мой взгляд.

Она вскинула подбородок. Поднесла руку козырьком к глазам, чтобы лучше видеть, — и ее взгляд сосредоточился на мне. Некоторые зеваки решили проследить за ним и подняли головы, а я пригнулась и снова выглянула из-за небольшой трубы.

Интересно, что она чувствовала, что знала, что видела со своего места? Переполняли ли сейчас ее мозг разноцветные бабочки, поправляли ли каналы ее сердца импульсы теплого света? Имела ли темнота вкус, развернуло ли столкновение все неправильное в ней? Я знала лишь, что теперь ее жизнь будет другой. Ее больше не было с нами. Так чего она ждала?

В моих ушах раздался пронзительный рокочущий гул.

Стоявшие внизу зеваки смотрели на нее и качали головами.

— Ты в порядке, дорогая? — спросил какой-то парень.

Она его проигнорировала, как проигнорировала бы любого мужчину, назвавшего ее «дорогой».

Она всматривалась в ночь, но городское небо оставалось беззвездным, окна на последних этажах — черными, а я не высывалась. Сюда ехала «Скорая», но Моне не станет ее ждать.

Она направилась к воротам, и я сначала подумала, она пытается войти в дом, но Моне вернулась с чем-то в руках. Чемодан. Он подждал ее. Похоже, она заметила табличку такси, потому что пошла в его сторону, и никто не пытался ее остановить. Когда она устроилась на заднем сиденье, перед этим закинув внутрь чемодан, таксист не стал ее выпроваживать. Лишь пожал плечами и сел за руль. Оставшиеся зеваки отступили. Шум сошел на нет. Город снова стал тихим, таким, к какому я привыкла: словно вместо лабиринта из асфальта, бетона и кирпича меня окружал густой переплетающийся лес.

Я наблюдала с крыши. Долгое время мне казалось, ночь снова проглотила Моне, как в момент, когда она шагнула во тьму, но вот такси выехало на проезжую часть, повернуло и, моргнув задними фарами, исчезло.

Часть II

Месяцем ранее